



НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

СЕРГО БЕРИЯ

МОЙ ОТЕЦ ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

СЫН
ЗА ОТЦА
ОТВЕЧАЕТ...



Наследие кремлевских вождей

Серго Берия

**Мой отец Лаврентий Берия.
Сын за отца отвечает...**

«Алисторус»

2013

Берия С. Л.

Мой отец Лаврентий Берия. Сын за отца отвечает... /
С. Л. Берия — «Алисторус», 2013 — (Наследие кремлевских
вождей)

Сенсационная книга, в которой рассказывается о легендарном Лаврентии Павловиче Берии – ближайшем соратнике Сталина. Его титаническая деятельность на самых разных должностях – от всемогущего наркома госбезопасности до руководителя советского атомного проекта – была на первом краю сталинской политики. В наше время имя Л.П. Берии обросло многочисленными мифами и легендами. Оно постоянно подвергается нападкам недоброжелателей, за которыми намеренно скрывается историческая правда. Как получить достоверную информацию об этом незаурядном деятеле Советского Союза? Его сын С.Л. Берия готов ответить за отца и рассказать немало интересного. В книге представлены как не публиковавшиеся в России материалы биографов Берии, так и воспоминания его сына.

Содержание

Рауль Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает...	5
Предисловие	5
Диалоги с сыном Лаврентия Берия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Серго Берия

Сын за отца отвечает: Мой отец Лаврентий Берия

Рауль Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает...

Даже когда мы многое узнали после суда над Берия, мы дали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берия. Он казался нам удобной фигурой, и мы сделали все, чтобы выгородить Сталина...

Н. С. Хрущев. «Огонек», № 9, 1990, с. 16

Предисловие

Сегодня святая Троица... Светлый христианский Праздник. За окном шумит ливень, беспощадно сбивая отцветшие лепестки каштанов. В распахнутые двери балкона врывается свежий летний ветер, наполняя квартиру озоном. Мою беседу с одиноким хозяином сопровождают раскаты грома, словно гул канонады из ушедшей эпохи, где осталось столько тревоги, страха, страданий. Недавно он похоронил мать, которая была для него не только родным человеком, но и близким другом. С ней вместе ему пришлось испытать полынный привкус ссылки, долгие годы изоляции от общества. Мать умерла в восьмидесятисемилетнем возрасте, сохранив прежнее душевное обаяние, доброту и веру в людей...

Говорят, в молодости она была неопикуемой красавицей и будущий муж, дрогнув перед ее очарованием, похитил избранницу. Тяжелое бремя ответственности легло на хрупкие плечи Нино Гегечкори после замужества. Шутка ли – мужем был Лаврентий Берия!.. Их первенец – единственный сын, с которым мне предстоят нелегкие беседы, ныне уже немолодой, но, вспоминая маму, с трудом сдерживает слезы. Согласно завещанию, он ее похоронил в Тбилиси. А могилы отца нет. От отца вообще не осталось ничего: ни вещей, ни книг, ни документов, ни фамилии и отчества. Хотя передо мной и сидит кровный сын Лаврентия Павловича Берия, по паспорту он – Сергей Алексеевич Гегечкори: так его нарекли гэбэшные власти, выпуская на волю после десятилетней ссылки. Мол, оградим тебя от народного гнева!.. Серго упорствовал, не хотел принимать другую, хоть и материнскую, фамилию и иное, хоть и прадедовское, отчество. Он хотел остаться тем, как крестили при рождении – Сергеем Лаврентьевичем Берия. Однако его убеждали: куда бы ты ни поехал, где бы ты ни работал, тебе все равно вручат именно этот паспорт! Привыкай! И ему пришлось делать вид, что привыкает... Оказывается, не смог привыкнуть, ибо ему чужд комплекс Павлика Морозова, донесшего на родного отца.

Я давно знал, что мы живем в одном городе. Несколько раз даже пытался отыскать его, но в последний момент останавливали сомнения: захочет ли сын заклеенного «агента международного империализма» встретиться с земляком-писателем, вынашивающим мысль написать книгу о его семье. На имя Берия тогда вообще было наложено табу, его нигде не упоминали, обходили молчанием, как бы следуя совету древних латинян: *De mortuis aut bene, aut nihil*. («О покойниках или хорошо, или ничего!»). Плохого и отвратительного было наговорено хоть отбавляй, а отзываться хорошо в нашем государстве не было принято даже о святых покойниках, – тут же многогрешный партийный босс и всемогущий шеф тайной полиции. Но история – «сволочнейшая штукавина» и ей свойственно время от времени возбуждать интерес к себе

и людям, игравшим заметную роль в жизни общества. Более того, она сама выбирает главных действующих лиц для своих грандиозных постановок, безошибочно разгадывая амплуа того или иного исполнителя.

Во многосерийной большевистской эпопее, полной драматизма и человеческих трагедий, Лаврентию Берия была уготовлена роль покорителя Олимпа и низвергнутого, идола, на которого впоследствии спишут все мыслимые и немыслимые преступления коммунистического режима. Сегодня очевидно, что после тридцатилетней диктатуры Сталина, грузина по национальности, Берия, тоже грузин, будь даже агнцем божьим, не был бы помилован волчьей стаей из Политбюро, где каждый дрожал за собственную шкуру. А дрожать было за что, ибо все они, почти без исключения, продвигались к высшей власти по трупам своих друзей и соратников. Их траверсы были обогреты кровью: у кого – большей, у кого – меньшей. Но разве это имело значение? У всех рыльце было в пушку... Лучше Лаврентия Берия знать об этом не мог никто. Работа у него была такая: владеть тайнами не только Кремля, но и всей страны. Стая понимала: смерть Сталина – это рубеж, который может оказаться для нее роковым, если она не уберет опаснейшего соперника, такого же туземца, как и покойный хозяин. Никита Хрущев, прекрасный исполнитель гопака на сталинских застольях, решил стать главным ликвидатором и, опираясь на «коллективный разум» единомышленников, сумел добиться цели...

С тех пор прошло без малого сорок лет. Неузнаваемо изменилась наша жизнь. Приказали долго жить СССР, КПСС, КГБ. История, сначала распределившая роли, ныне вершит суд над их исполнителями. Предлагаемая книга содержит как бы дополнительные показания для этого суда.

Я понимаю, что объективную историю репрессий в СССР не смогут написать дети как репрессированных, так и репрессировавших. И те, и другие полны желания показать своих родителей в лучшем свете, тогда как истина лежит где-то посередине. К этой середине нам и необходимо стремиться.

Я отдаю себе отчет в том, насколько дерзновенна даже робкая попытка посмотреть на Лаврентия Берия как бы с новой, отличающейся от официальной точки зрения. Совсем недавно это было бы немыслимо. Но сегодня, в период тотальной переоценки ценностей, мы вправе не принимать на веру многие утверждения советских идеологов и историографов, успевших возвести Эвересты лжи. Тысячи страниц новейшей истории до недавно нашей общей страны ничуть не искренне и не объективнее страниц ставшего притчей во языцех «Краткого курса ВКП(б)». Его хоть за краткость можно уважать...

– Злостные намерения обелить предателя! – воскликнет ортодоксальный читатель.

– Отнюдь! – отвечу я ему. – Речь пойдет лишь о том, в чем видели грехопадение Л. Берия члены Политбюро и Центрального Комитета и как в свете нынешней общественно-политической обстановки в бывшем СССР выглядят их доводы.

Сегодня мало кто остался в живых из участников заговора против Берия. Большинство из них, дожив до глубокой старости, ушли в мир иной спокойно, напоминая о себе потомкам то невзрачными плитами на кремлевской стене, то черно-белыми надгробными памятниками на Новодевичьем кладбище. Но как они ни старались скрыть свое истинное лицо, все равно не смогли. Еще долго нас будут преследовать их мрачные зловещие тени, и хотя уже нет страны, которую они якобы строили, и нет строя, который хотели навязать всему миру, мы, ныне сущие, навряд ли сумеем полностью уйти от них. Да и вытаскивание на свет божий новых и новых свидетельств о прошлом не облегчит нам участь несчастных граждан обнищавших и обездоленных стран. Дай бог, чтобы будущее у всех нас было свое, но прошлое, в котором худо-бедно, но жили вместе, принадлежит всем нам. И мы с моим собеседником отправляемся туда, в прошлое, которое, к сожалению, не стало нашим светлым будущим.

Диалоги с сыном Лаврентия Берия

– Батоно Серго, я знаю, что ваш отец родился 30 марта 1899 года в бедной крестьянской семье. Однако хочется поставить вопрос шире: кто ваши предки?

– Дед мой по отцу – Павле Берия – свою молодость провел в Мингрелии, но из-за конфликтов с властями был вынужден, оставив свой малый достаток, переехать в глухую абхазскую деревню Мерхеули. Родом он из села близ Мартвили, где жили, да и ныне проживают наши однофамильцы. Среди них – и мои двоюродные и троюродные братья и сестры. С некоторыми из них, кто не побоялся поддерживать со мной контакты, встречаюсь и теперь. Бабушка моя по отцу – из знатного рода Джакели. Звали ее Марта. До переезда нашей семьи в Москву она жила с нами и принимала активное участие в моем воспитании. Умерла она в 1955 году, после того, как мы с матерью вышли из тюрьмы. Пришлось нам целый год искать моих бабушек (и по отцу, и по матери), которых после гибели отца, выселив из тбилисских квартир, определили в дом престарелых под Гори. Никому из родственников, в том числе и детям, не разрешили взять их к себе.

– У Лаврентия Павловича были братья и сестры?

– Да, была родная сестра Анета. Она тоже жила с нами, но, не сумев привыкнуть к Москве, возвратилась через год вместе с бабушкой Мартой в Тбилиси. Эта образованная женщина после тяжелой болезни стала глухонемой. Отбыв с мужем и ребенком ссылку в Абакане, тетя умерла, а ее дочь – моя двоюродная сестра – живет в Тбилиси.

Был у отца и сводный брат Капитон Кцарацхелия, который еще до революции со своим дядей, бабушкиным братом, уехал в Маньчжурию на заработки, а вернулся в Советский Союз в 1935 или 1936 году. Одно время он жил у нас, но позже переехал в Сухуми, где заведовал нефтебазой.

– Я слышал, что бабушка Марта была очень набожной женщиной...

– Да. Она ходила в церковь и вела христианский образ жизни.

– А как сын на это реагировал?

– Я вам одну историю расскажу. Был у нас в школе октябрятский кружок безбожников. Первой моей акцией как члена этого кружка стало то, что я испортил старинную икону, которую бабушка хранила в шкафу. Отец, вернувшись с работы домой, заметил, что она расстроена и спросил, в чем дело. Бабушка промолчала, а я с чувством удовлетворения и гордости рассказал, как разделался с предметом ее религиозного преклонения. Отец велел принести остатки иконы, потом попросил маму позировать. Рисовал он часа два. Вставив свою работу в рамку, он отдал ее бабушке со словами: «Что на него обижаться? Он воспитан нашим временем». Мне же сказал: «Ты поступил неправильно. Надо уважать чужие убеждения». Позже я все приставал к бабушке: «Как ты молишься на эту икону? Ведь ты знаешь, что на ней не Богородица нарисована, а моя мама?!» Бабушка отвечала: «Когда вырастешь, поймешь, что этот рисунок для меня священен!»

– Я впервые слышу, что Лаврентий Павлович рисовал... – Он рисовал очень хорошо, посвящая этому увлечению все выходные. Работал маслом, акварелью, углем. Любил писать мои портреты. К своим работам относился снисходительно, но дружил с художниками, не скрывая своей любви к живописи. Более того, он страстно хотел, чтобы я стал художником. Но я выбрал технику. Кстати, также с его благословения.

– Сам Лаврентий Павлович какое получил образование? – Когда отцу было семь лет, дедушка, продав свое ничтожное имущество, отправил его на учебу в Сухумское высшее начальное училище. Вместе с ним поехала и бабушка Марта, все годы учебы жившая вместе с сыном в одной комнате, которую снимала. Грузинских школ тогда почти не было, родной язык преследовался, преподавание велось на русском. Я видел аттестат отца: в нем одни пятерки.

Окончив училище с отличием, он задумался над дальнейшим образованием. Отец сильно увлекался архитектурой и строительным делом. Чтобы овладеть этими профессиями, надо было ехать в Петербург или Баку, где имелись соответствующие факультеты. Выбор пал на Баку – это и ближе, и дешевле. Дедушка продал оставшееся добро, добыл кое-какие деньги и благословил сына в путь. Пятнадцатилетним юношей отец поступил Бакинское механико-строительное среднее техническое училище. Летом 1917 года он отправился на румынский фронт в качестве техника-практиканта, а после расформирования воинской части в которой служил, вернулся в Баку. В 1919 году он с отличием окончил училище и получил специальность техника архитектора-строителя.

– Известно, что Лаврентий Павлович вплоть до ноября 1922 года был связан с Азербайджаном, где он стал заместителем начальника секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК. Что вы знаете о бакинском периоде деятельности отца?

– Еще в студенческие годы через грузинское землячество он был вовлечен в работу бюро ячейки РСДРП (большевиков). Отца и нескольких молодых людей из подполья заслали к мусаватистам со спецзаданием: выяснить местонахождение их типографии и явок. Это подтверждается документами, которые до сих пор скрывают. А. И. Микоян отвечал за этот участок нелегальной работы и об участии отца в ней сам рассказывал мне. Когда произошли события, приведшие к трагедии с двадцатью шестью комиссарами, то отца в составе XI армии направили в Грузию для борьбы с меньшевиками. Там за подрывную деятельность против правительства его арестовали и поместили в кутаисскую тюрьму, но вскоре освободили по настоянию С. М. Кирова. Сейчас ходят разные слухи и домыслы: мол, Берия сорвал голодовку в тюрьме, хотя, наоборот, он ее организовал. Мне известно иное: отец отказался от побега, застрельщиком которого был Шалико Церетели, боевой офицер, кавалер Георгиевского креста. С. Киров уже вел переговоры об освобождении отца, а побег мог подтвердить его виновность и привести к дальнейшему преследованию. Церетели отец не забыл и после советизации привлек к работе в ЧК. К сожалению, в 1953 году Церетели расстреляли как сообщника Берия.

– Теперь много говорят и пишут о том, что Берия причастен к контрреволюционному восстанию 1924 года в Грузии...

– По долгу службы (в то время он занимал должность начальника оперативной части и зампреда ЧК Грузии) отец был осведомлен о меньшевистских приготовлениях. ЧК настолько подробно знала о готовящейся акции, что она заранее была обречена на провал.

– Так неумело действовали меньшевики или так умело работала ЧК?

– Я сказал бы, что неумело действовали меньшевики. Среди них, конечно, достаточно было профессионалов, но ошибка их заключалась в том, что в конспиративную работу вовлекли такое большое количество людей, что контролировать их поступки было невозможно. Короче, несколько поторопились, нарушив правила игры. Чтобы избежать кровопролития, отец, с разрешения Орджоникидзе, сыгравшего весьма неблагоприятную роль в дальнейших событиях, организовал умышленную утечку информации, намекнув, что ЧК знает все: и дату выступления, и местонахождение арсеналов оружия, и маршруты его ввоза и т. д. Однако большинство меньшевистских руководителей не поверило и направило в Грузию Валико Джугели, командующего национальной гвардией, умного человека и настоящего рыцаря. О его появлении отец узнал сразу и через надежного сотрудника еще раз предупредил о бессмысленности восстания. Он требовал, чтобы Джугели немедленно покинул страну и убедил сообщников в неизбежности поражения. Джугели пренебрег предупреждением. Наоборот, он решил прогуляться в центре Тбилиси, по Плехановскому проспекту. Его тут же узнала какая-то женщина и сообщила в ЧК. Открыто заступиться за него отец не мог. Уже из заключения Джугели послал предупреждение, но его восприняли как фальшивку. Восстание провалилось, а над Грузией прокатилась волна жестоких репрессий. Увы, тогда правил Грузией не Лаврентий Берия...

– Генерал Дмитрий Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия» излагает свою версию знакомства Берия со Сталиным. Как будто бы они познакомились в 1929–1930 годах в Цхалтубо. А. Антонов-Овсиенко считает, что знакомство произошло в 1924 году, когда Генсек принимал ответственных работников грузинского ЦК и ГПУ после победы, так сказать, над путчистами. Первая встреча с вождем – это вежа, определившая всю дальнейшую жизнь Лаврентия Павловича. Он наверняка рассказывал вам об этом...

– Из семейных преданий я знаю, что отца как перспективного работника Сталину представил Орджоникидзе в 1921 году, сразу после установления Советской власти в Грузии. Тогда, как известно, Иосиф Виссарионович приезжал в Тбилиси.

– В ноябре 1931 года Лаврентий Берия становится вторым секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б) и первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, а год спустя – первым секретарем ЗКК ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии. Так начинается его партийная карьера. Как вы полагаете, чем объясняется такой служебный взлет вашего отца?

– Вы будете удивлены, когда я скажу вам, что отец все время хотел уйти и из ЧК, и из ЦК. Он мечтал завершить учебу, стать инженером и добиться успехов в этой области. После училища он экстерном сдал экзамены и закончил три курса строительного факультета Бакинского политехнического института. Мать вспоминала, что и после ликвидации Закавказской федерации, будучи секретарем ЦК, отец просился на учебу. Но к тому времени он уже считался опытным кадровым работником и, естественно, его не отпустили. Следует отметить, что отец был человеком увлекающимся и старался основательно вникнуть в суть того, что делал. Например, когда в Грузии взялись осушать колхидские болота и культивировать там субтропические растения, он специально изучил все, связанное с их выращиванием. В его неудержимом стремлении к самообразованию я сам убедился, когда увидел, какими знаниями он овладел в сфере ракетостроения, производства атомной и водородной бомбы, как он профессионально спорил с крупными учеными, выясняя технические подробности того или иного вопроса. Отец самостоятельно выучил английский, французский и немецкий языки. На этих языках он мог читать любую литературу. По-русски отец говорил с грузинским акцентом, но писал абсолютно грамотно. Часа два-три с утра он всегда работал, читал различные материалы; но не за письменным столом, а обычным, хотя имел прекрасный кабинет. В общей сложности, за день набегало 300–400 страниц, включая сводки ТАСС, донесения разведки. Читал он, как правило, с карандашом и блокнотом в руках, делая какие-то выписки, заметки. Этим я хочу подчеркнуть, что Лаврентий Берия не был таким невеждой, как его представляют. И при его назначении, по всей вероятности, учитывались его деловые качества.

– Говорят, что выдвиженке Л. Берия на высшую партийную должность определенная часть населения и интеллигенции Грузии встретили в штывы. Более того, утверждают, что цековские работники, протестуя, не вышли на свои рабочие места, и Мамин Орахелашвили пришлось их уговаривать: мол, одумайтесь! Берия – выдвиженец Сталина! Это правда или выдумка недругов?

– Боюсь, что уже нет в живых тех свидетелей, кто мог бы подтвердить или опровергнуть эти слухи. У меня есть сведения, что сколько-нибудь значительного неприятия не было. Лишь некоторые люди, старшие по возрасту и имеющие действительно больший вес в партии, высказывали свою обиду по поводу того, что секретаря назначили, не спросив их мнения. Буду Мдивани, например, не скрывал, что старые большевики рассматривали Берия как способного человека, но не как лидера республики и края. Причина была, конечно, не только в возрасте. Партийные чиновники не считали работу в политической полиции равнозначной работе в партаппарате. Однако они упускали то обстоятельство, что, если ЧК сама по себе малопривлекательна, то люди, работающие там, более информированные и более осведомленные о реальных настроениях масс и способные прогнозировать события.

– Судьбоносным для Лаврентия Берия стал его доклад на собрании тбилисского партактива «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», сделанный им 21–22 июля 1935 года. Восхождение Л. Берия на Олимп власти связывается именно с этим докладом, ибо в нем восхвалялось революционное прошлое И. В. Сталина. Однако поговаривают и о том, что доклад, ставший потом книгой, партийным бестселлером, писал не Лаврентий Берия и что настоящие авторы вскоре были уничтожены...

– Если говорить об Олимпе, то отец тогда уже находился на нем...

– Я имею в виду его перевод в Москву на более высокие посты, приближение к вождю, вхождение в Политбюро...

– Должен вас разочаровать: то, что книгу писало несколько человек, никто никогда не скрывал.

– Почему же тогда ее авторов уничтожили?

– Был репрессирован, к сожалению, Эрик Бедия, директор Тифлисского филиала ИМЭЛ, очень симпатичный и талантливый человек. Я помню его открытое и веселое лицо, он часто бывал в нашем доме, беседовал с отцом. Приходили и другие помощники, ведь доклад был коллективным трудом, его писали вместе, сверяя материалы, обсуждая. Доклад делался от имени ЦК, но у нас до сих пор принято считать автором докладчика, не усматривая в этом ничего зазорного. Так было и тогда.

– Существует предположение, что доклад появился по заказу Сталина...

– Прямой заказ вряд ли был, хотя не являлось секретом недовольство Сталина поведением его грузинских соратников Буду Мдивани и Филиппа Махарадзе, пытавшихся приукрасить свои дореволюционные заслуги и затмить молодого Джугашвили, не имевшего до Октября того авторитета в партии, который впоследствии он приобрел. В этом плане доклад действительно подчеркивал роль Иосифа Виссарионовича в создании Закавказской большевистской организации. Однако я знаю, например, что братья Стура, революционеры с не меньшими заслугами, чем тот же Мдивани, очень высоко оценивали деятельность Сталина того периода.

– Как могло случиться, что Эрика Бедия, о котором вы так тепло отзываетесь, расстреляли? Неужели Лаврентий Павлович не мог его уберечь?

– В начале репрессий распоряжения шли исключительно из Центра. Все было сильно централизовано. Все решали руководящие органы ВКП(б), а не Ягода, Ежов, НКВД вообще.

– Неужели они знали, кто чем занимается?

– Они имели собственные каналы информации и посылали в республики свои директивы. Отец, когда речь шла о близких людях, обращался непосредственно к Сталину. Скорее всего, он писал ему, ибо позвонить вождю было не так просто. Отец несколько раз ездил к нему, чтобы доказать незаконность ареста некоторых товарищей. Тогда был еще жив Орджоникидзе, способствовавший переходу отца на партийную работу. Орджоникидзе и сказал отцу: «Сиди тихо и не высывайся; на тебя есть документы похуже, и если начнешь бороться за справедливость, в первую очередь загремишь сам». Об этом мне рассказывала мама, присутствовавшая при этом разговоре. Серго был эмоциональным человеком и очень страдал, наблюдая происходящее. Мне обидно, что сегодня его называют врагом грузинского народа.

Почему-то наивно рассуждают: если бы не Орджоникидзе, XI армия не вошла бы в Грузию. Еще как бы вошла! С Ивановым, Петровым, Сидоровым... но все равно вошла бы! Другое дело, что он допустил ряд других стратегических ошибок...

– Извините, а орден за взятие Тбилиси – тоже ошибка? Ведь страшно грузину получить такую награду!

– Полностью с вами согласен. Но мне все-таки кажется, что Серго старался сыграть положительную роль, сглаживая острые процессы, происходящие в стране. Это мое мнение...

– Мне не совсем понятно, как при сердечной дружбе с Орджоникидзе Лаврентий Павлович мог содержать в тюрьме его брата Папулию, которого, кажется, позже расстреляли.

– Я хорошо знал Папулию Орджоникидзе, ибо мы жили в одном доме. Он всегда занимал видные посты, но был больше известен как кутила, охотник и вообще прожигатель жизни. Серго он иначе, как, извините, дерьмо, не называл. Социализм он ругал на чем свет стоит...

Серго хорошо был осведомлен о буйствах Папулии. Он обижался на него и, приезжая в Тбилиси, демонстративно останавливался у нас. Возможно, с сегодняшней точки зрения, Папулию сочли бы демократом, но в те времена поношение существующего строя не прощалось даже брату того, кто этот строй возводил и возглавлял.

– Я все же хочу вернуться к предыдущему вопросу: кто знал в Москве, что в Тбилиси, к примеру, есть какой-то Эрик Бедия, которого непременно надо расстрелять?

– Особая агентура могла доложить в столицу о неофициальных, идущих вразрез с политикой партии высказываниях Бедия. Такой «улики» тогда вполне хватало для приговора. Должен заметить: беда нашей интеллигенции состояла – и состоит! – в том, что она много рассуждает и мало действует.

– 1937 год стал годом трагическим для грузинской культуры: были репрессированы такие корифеи, как М. Джавахишвили, Т. Табидзе, С. Ахметели, Е. Микеладзе, застрелился П. Яшвили... Как бы вы сами определили степень вины или ответственности за их судьбу тогдашнего первого секретаря ЦК республики?

– Понимаете, я был тогда в таком возрасте...

– Кстати, какого вы года рождения?

– 1924-го.

– Ну а с высоты сегодняшних ваших знаний и представлений, что вы можете сказать об этом?

– Мог ли отец приостановить процессы, направляемые Москвой, мне трудно сказать. Знаю, что многих ученых, получивших образование в Германии и попавших под подозрение, он пытался спасти. Мать вспоминала, что отец советовал им: «Займите какие-то скромные должности, вас нужно сохранить для Грузии». Именно благодаря отцу остались в живых некоторые писатели и философы; например, Константина Гамсахурдиа, Шалва Нуцубидзе...

– Нуцубидзе ведь сидел в тюрьме?

– Он «сидел» в своей московской квартире и переводил на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» по рекомендации моего отца... Отец убеждал Шалву: «Переведи поэму, ты же блестящий поэт... Мы покажем твою работу Иосифу Виссарионовичу – душа грузина не сможет на нее не отреагировать...». И в самом деле, – вы об этом наверняка знаете, – Сталин живо заинтересовался переводом Нуцубидзе и стал его фактическим редактором... Позже Шалва Нуцубидзе, человек смекалистый и остроумный, постоянно подчеркивал, что Сталин даже помог ему перевести одну строфу. Однако никогда не указывал, какую именно... Критики, опасаясь случайно задеть сталинскую правку, восхваляли весь перевод! Правда, он заслуживал похвалы и без этой маленькой хитрости переводчика.

– Я вижу в вашей библиотеке книги Константина Гамсахурдиа. Вы рассказывали, что он часто бывал в вашей семье, дружил с вашим отцом. Чего там скрывать – кое-кто склонен объяснять тайное покровительство Гамсахурдиа «мингрельским патриотизмом» Берия...

– То, что отец равнодушно относился к Мингрелии, как говорится, к своей малой родине, однозначно. Он разговаривал с мамой до конца дней своих по-мингрельски. Это было их естественной потребностью. То, что отец интересовался историей колхов, лазов, мингрелов, – тоже факт.

Возможно, он ценил Гамсахурдиа прежде всего как превосходного знатока и неистового певца этой истории. Вместе с тем отец не раз советовал писателю, скажем так, порвать со своим буржуазно-декадентским прошлым. Были у него и более резкие выступления в адрес Гамсахурдиа. Вообще же отец был против мингрельского сепаратизма. Я хорошо помню седобородого Исака Жвания, человека, одержимого идеей мингрельской автономии.

– Он даже газету издавал на мингрельском!

– Вот-вот! Однажды мы всей семьей заехали в Зугдидский краеведческий музей – отец ездил по Западной Грузии в связи с осушением колхидских болот, – и там впервые увидел Жвания. Он упрямо спорил с отцом, доказывал свою правоту, не вникая никаким доводам о вреде мингрельской автономии. Как я сейчас понимаю, «мингрельское дело», состряпанное в 50-е, началось с провоцирования таких наивных, по-своему честных и порядочных людей, как Исак Жвания. В грузинской ЧК, по-видимому, существовали силы, связанные с Ягодой, а потом и с Ежовым, которые были заинтересованы в устранении отца. Собрав веские компроматы, они выступили бы против Берия. Этим «делом» активно занимался, как потом выяснилось, наркомвнудел Грузии Киладзе.

– Вернемся все-таки к прежнему вопросу: о роли Берия в судьбе грузинской интеллигенции...

– Мне очень трудно на него ответить. В 1937 году отец был руководителем республики и в любом случае он несет ответственность за события, произошедшие там, хотя я доподлинно знаю, что далеко не во всем он виноват. Обратимся, например, к трагедии Сандро Ахметели. Отец относился с большим уважением к нему как очень талантливому художнику. Но в театре имени Шота Руставели, где Ахметели работал художественным руководителем и главным режиссером, были, как и в любом театре, склоки. Такие крупные актеры, как А. Хорава и А. Васадзе, активно выступали против него, однако эти выступления носили скорее не личный, а политический характер. Если поднять документы тех лет, которые послужили поводом для репрессий против С. Ахметели, то, боюсь, что главным виновником окажется не Берия...

– Допустим, Ахметели «заложили» собственные коллеги, но как быть с тем же М. Джавахишвили? Я читал мемуары его дочери, где она замечает, что «дело» отца – это полстранички, где нет ничего, кроме прямого обвинения писателя в шпионаже в пользу немецкой разведки.

– Из рассказов матери мне известно, что здесь не обошлось без личного участия Иосифа Виссарионовича, пристально следившего за грузинской литературой и имевшего собственную точку зрения о ее деятелях. О Джавахишвили он высказывался как грузинским, так и союзным руководителям.

– Вы хотите сказать, что к казни Михаила Джавахишвили причастен сам Сталин?

– Непосредственно. Его судьба была предрешена в Москве, а не в Тбилиси. Я затрудняюсь объяснить, почему у Сталина возникло такое решение, но ручаюсь, что этот случай не был единичным. Возможно, и другие деятели стали жертвами его подозрительности. Говоря об этом, я одновременно не стремлюсь оправдать моего отца: в конце концов, если он не был согласен, мог бы отказаться от должности, подав в отставку. Он этого не сделал.

– В своем отчетном докладе на X съезде КП(б) республики 15 мая 1937 года Лаврентий Берия говорил: «В группу «Голубые роги» входили: П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе и другие. Эта группа организовалась еще в 1916 году. Название «Голубые роги» в переносном смысле должно было означать творческое опьянение, но в жизненном быту этот девиз нередко осуществлялся в пьяных кутежах. (Смех в зале.)

...К. Гамсахурдиа, мировоззрение которого определялось воинствующим национализмом с ясно выраженной фашистской окраской, в последнем своем произведении «Похищении луны» попытался отойти от этих своих старых идейных позиций и дать большое художественное полотно о нашей социалистической действительности. Но это ему удалось пока что очень слабо.

Если К. Гамсахурдиа хочет стать советским писателем, он должен освободиться от своих буржуазно-дворянских националистических идей и настроений, ближе стать к нашей социалистической действительности и свои крупные творческие возможности поставить на службу грузинскому трудовому народу.

В группу «Арифioni» входили писатели М. Джавахишвили, Ш. Дадиани, О. Шаншиашвили, Л. Киачели, Г. Кикодзе, И. Мосашвили и другие. Она возникла в 1928 году. «Арифioni» по определению одного из участников группы – Г. Кикодзе, – это сотрапезник, а арифioni – союз подвыпивших людей. (*Смех в зале.*)

Есть в среде грузинских писателей и работников искусства отдельные лица, которым следует пересмотреть свои связи с врагами грузинского народа... Например, Павле Яшвили, которому уже за 40 лет, пора взяться за ум.

Серьезно подумать над своим поведением не мешало бы также Гамсахурдиа, Джавахишвили, Мицишвили, Шеварднадзе и еще кое-кому.

...Перечисленные мною писатели должны знать, что от их дальнейшего поведения, от того, как быстро они перестроятся и осудят свои прошлые дела и связи, зависит отношение к ним нашей партии и советской власти».

Еще одна цитата из отчетного доклада Л. П. Берия на XI съезде КП(б) Грузии 16 июня 1938 года: «Советские писатели Грузии очистили свои ряды от гнусных предателей и шпионов – всех этих Джавахишвили, Мицишвили, Яшвили, Т. Табидзе и других, которые, являясь агентами международного фашизма и умело маскируя свое подлинное вражеское лицо, предавали Советскую Грузию и грузинский народ. В литературных организациях исчезли остатки буржуазно-националистических группировок».

Больно и обидно читать подобное в адрес крупных мастеров и искренних патриотов родной земли!..

– Поверьте, и мне тоже больно. Эти доклады действительно читал мой отец, но отчет-то принадлежал не только ему, а всему ЦК. Мы уже отмечали, что такой отчет являлся коллективным трудом. Вместе с тем, я могу назвать целую подборку разгромных статей о вышеупомянутых авторах, опубликованных в те годы. И написали их известные и влиятельные критики. Ответственность за гибель многих замечательных деятелей культуры лежит на их совести тоже.

– Мне приходилось слышать, что и самого Лаврентия Павловича собирались арестовать, но он сумел добраться до Москвы и убедить Сталина в своей невиновности...

– Собирались, и не один раз... Первый раз попытался это осуществить Станислав Реденс, начальник ЗакЧК, деверь Сталина, муж сестры Надежды Аллилуевой. Но тогда вмешался Орджоникидзе, и все обошлось благополучно.

– Поговаривают, что Лаврентий Павлович ловко отомстил Реденсу, подстроив ему какую-то ловушку с женщиной.

– Подстраивать Реденсу ловушки, да еще с женщиной? Он был по своей натуре пьяницей и бабником. Дамы легкого поведения так и льнули к нему. Он сам оскандалился после очередной попойки, без чьей-либо помощи... Посрамленного победителя женских сердец вскоре перевели на работу в Белоруссию.

– Какие еще происки против Лаврентия Павловича известны вам?

– Второй раз отца попытался заложить сам Ежов. Был такой Кудрявцев, второй секретарь ЦК КП(б) Грузии, так как во все времена в союзных республиках вторыми секретарями назначали русских, наверное, для надзора над первыми. Однако Кудрявцев находился под сильным влиянием отца. Вдруг этого русского товарища переводят на Украину, а через некоторое время берут под стражу. Его избивают и калечат с единственной целью: получить показания на Берия. Но Кудрявцев оказался порядочным человеком: против Лаврентия Павловича он не произнес ни слова. Ежов арестовывал и других людей, способных, по его мнению, оговорить Берия...

– Чем вы объясняете такие действия Ежова? Что это – личная неприязнь к Лаврентию Павловичу или профессиональное предчувствие реального соперника?

– Ежов был далеко не глупый человек. Он многие; годы провел в ЦК, хорошо разобрался в партийных хитросплетениях и понимал, кем его мог заменить Сталин в случае немилости.

– В Тбилиси всем знаком фешенебельный особняк на улице Мачабели, где располагался до недавнего времени штаб грузинского комсомола. Однако он известен и как бывший дом Лаврентия Берия...

– Мы жили в обычном доме на Каргановской, что по Верийскому спуску, и занимали в нем обычную квартиру из четырех комнат. Но вот к нам пожаловал Иосиф Виссарионович...

– Когда это было?

– Когда он свою мать навещал, в 1936 году.

– И вы тогда впервые увидели живого Сталина?

– Да.

– А что запомнилось из первых впечатлений?

– Родители еще отдыхали на Черном море, а я вернулся в город, потому что начался учебный год. Неожиданно они тоже возвращаются, и мама устраивает дома невообразимую суматоху. А на второй день к нам приходит Сталин. Увидев маму, он удивленно спросил: «Нино, почему ты здесь, а не в Гагре? Как узнала, что я приеду?» Он был очень недоволен, что отец отозвал маму в связи с его приездом. Когда Иосиф Виссарионович вошел, меня куда-то затолкали, но я не выдержал и вскоре вышел: мне минуло лишь двенадцать, и я не очень разбирался в этикете. Сталин подозвал к себе.

– На грузинском языке?

– Да. Он прекрасно говорил по-грузински. У меня к нему как человеку непростое отношение. Но об этом позже. Ну, я его рассматривал как божество, а он обнял меня и сказал: «Ты такой же большой, как моя Светланка. Я пришлю ее, чтобы вы познакомились». На этом наш разговор закончился.

– А какое отношение имел приезд Сталина к дому на улице Мачабели?

– Прямое. Тогда, оказывается, Иосиф Виссарионович сказал отцу: «Живешь скромно. Молодец! Но руководитель республики должен иметь хорошую квартиру». И Сталин отдал указание построить тот дом. Нашими соседями были секретарь ЦК Грузии Кекелия и Гриша Лрютюнов, работавший тогда то ли в ЦК, то ли в горкоме партии.

– Кто был вашим соседом на старой квартире?

– Рапава.

– Которого расстреляли?

– Да. Но с ним собирались расправиться еще в 1937 году.

Он был женат на племяннице Ноя Жордания – президента меньшевистской Грузии. Однако тогда ему удалось спастись.

– Правда, что из особняка Берия ходил в ЦК по специальному туннелю?

– Это выдумка. Ничего подобного не было. Пешком он ходил, в сопровождении охранника. Но и на машине, бывало, ездил в ЦК.

– Как складывались взаимоотношения между отцом и матерью? Каким был Лаврентий Павлович дома?

– Возможно, на фоне существующих стереотипов это прозвучит неправдоподобно, но отец был очень мягким человеком. На работе суровый и настойчивый, дома он проявлял ласковый и уступчивый характер. Не помню, чтобы отец повысил на меня голос или наказал. Он уделял огромное внимание моему воспитанию – интеллектуальному и физическому. Подбирал мне книги, журналы, советовал, что прочитать, что посмотреть. К маме он относился очень нежно, хотя, правда, бывали случаи, когда я становился свидетелем их споров, связанных с внешними событиями, с работой отца, с политикой. Мама не понимала, как отец может оставаться на своей должности, когда вокруг происходят такие ужасы. Однажды она в моем присутствии заявила, что их дальнейшая совместная жизнь невозможна, что она уйдет и забрет меня: мама не могла примириться с царящей в стране атмосферой, поэтому ссоры возни-

кали часто. Она категорически отказывалась ехать в Москву. Отец вынужден был подчиниться решению Политбюро, а мы с мамой остались: мы были против переезда.

– Вы не сразу переехали?

– Я продолжал учиться в первой тбилисской школе.

Мама твердила, что я должен стать образованным и полезным для родины человеком. Шалва Нуцубидзе как бы взял надо мной шефство. Он приходил к нам почти через день, обучая меня азам мифологии, философии, словесности. Шутя, он говорил маме: «Мы из него националиста сделаем!»

Но когда Иосиф Виссарионович узнал, что мы с мамой отказываемся переезжать, он рассердился и прислал в Тбилиси начальника своей охраны генерала Власика. Не успев переступить порог, тот сразу объявил, что через 24 часа мы отправляемся в Москву. Так и произошло...

– В детские и юношеские годы людям свойственна чрезмерная гордость, даже хвастовство. Нередко от молодых ребят слышишь: мой папа может... мой папа сделает... У вас, сына в самом деле всемогущего отца, не было внутреннего ощущения собственного превосходства над своими ровесниками, не появлялся соблазн бросить им: «Мой папа...».

– Такое поведение противоречило бы моей человеческой натуре. Мне и в голову не приходило ставить себя выше кого-либо! Работу отца я считал обычным делом, которым он занимался по долгу службы. Так считал, кстати, не я один, а миллионы советских людей.

– Случались ли ссоры из-за супружеской неверности? Ведь не секрет, что ходят самые фантастические слухи о Лаврентии Берия как половом гиганте, сексуальном маньяке, жертвами которого сначала становились грузинские красавицы, а потом и чуть ли не всего Советского Союза!..

– Мне кажется, что слухи об этом сильно преувеличены. Отец был абсолютно нормальный мужчина и поддерживал с матерью искренние отношения. Правда, как мне известно, в Тбилиси он влюбился в одну красавицу из знатной семьи, и закончилась эта интрижка приличным скандалом, устроенным матерью.

– А как же быть тогда с утверждениями, что у начальника личной охраны Лаврентия Павловича полковника Рафаэля Саркнсова обнаружили список с двадцатью тремя любовницами шефа? Как же объяснить наличие множества предметов женского туалета в его рабочем кабинете? Я где-то вычитал, что число амурных страстей Берия равняется 214...

– Пусть эта арифметика останется на совести тех, кто, подобно евнухам, занимался столь ревностным подсчетом чужих любовниц. Я не намерен обсуждать этот вопрос, но раз он прозвучал, отвечу: сфабриковать списки или подбросить «вещдоки» в кабинет нейтрализованного хозяина, как вы понимаете, не составляло никакой сложности для сотрудников госбезопасности. И не забывайте, что многие женщины-агенты из отцовского ведомства предпочли признать себя любовницами, чем осведомителями тайной полиции.

– И все же образ Берия-ловеласа тиражируется широко. Например, я видел американский многосерийный видеофильм «Красный монарх», в котором демонстрируются любовные похождения Лаврентия Павловича.

– В кино можно показать все, что угодно. В действительности многое иначе. Я всегда жил вместе с отцом и не помню, чтобы он ночевал вне дома, кроме командировок, конечно. Домой он, естественно, никого не приводил. Другое дело, если подобным можно заниматься в рабочее время.

– А разве нельзя, если очень захотеть?!

– Если очень захотеть, то да, но ведь и ограничения были большие... Отец с исключительной ответственностью относился к возложенным на него обязанностям, пристально следил за выполнением каждого решения. Времени для утех почти не оставалось.

– А внебрачных детей у Лаврентия Павловича не было? – Однажды отец познакомил меня с маленькой симпатичной девочкой и сказал: «Ты – взрослый парень и должен знать: это твоя сестра!». В ответ я ему предложил: «Давай удочерю!» Он рассмеялся: «Не фантазируй... У нее есть мать!»

– Лаврентий Павлович заботился о них?

– Безусловно. Но мама ничего об этом не знала.

– До самого конца?

– Да, до конца дней своих... Я никогда не обмолвился ни одним словом... И следил за судьбой девочки: сестра все-таки! Но поскольку они жили в гораздо лучших условиях, чем я мог предложить, то я не навязывался...

– Мать вашей сводной сестры жива?

– Да. Она оказалась совестливой женщиной: всем визитерам, предлагавшим ей написать разоблачительную книгу о Берия, указывала на дверь.

– Вы поддерживаете с сестрой связь?

– Нет, я решил так: если она захочет, то всегда сможет меня найти. Материально она вполне обеспечена, и грузины ее постоянно поддерживают.

– Она намного моложе вас?

– Она ровесница моей старшей дочери. Считает себя грузинкой, хотя и носит русскую фамилию.

– Замужем?

– Развелась.

– Батоно Серго, мы говорим о грузинском периоде вашей жизни. Давайте завершим эту часть беседы...

– Кажется, я не упомянул о том, что закончил семь классов немецкой средней школы, организованной тбилисскими немцами. Все предметы преподавались на немецком языке, однако грузинский язык и литературу изучали в полном объеме.

– Немецким языком овладели хорошо?

– Я овладел им еще в дошкольном возрасте.

– Вас обучали целенаправленно?

– Да. Родители очень хотели, чтобы я знал иностранные языки, поэтому с четырех лет изучал немецкий, с пяти – английский. Этими двумя языками владею в совершенстве.

– В этой школе учились дети простых смертных или... – Школа была самая обыкновенная, никакой элитарности. «Элитарность» сводилась к тому, что в 1937 году большинство учеников осталось без родителей.

– Сохранились какие-то отношения с бывшими одноклассниками?

– Тесных контактов нет, но все же кто-то напишет, кто-то навестит... Время и события разъединили нас, да и возраст берет свое.

– Когда генерал Власик привез вас с матерью в Москву, отец уже был обустроен, в бытовом смысле, разумеется?

– Имел обыкновенную квартиру. Дом, в котором мы должны были жить, ремонтировался. Несколько месяцев провели в так называемом доме правительства на Набережной. Предлагали квартиру в Кремле, но отец отказался.

– Значит, вам в Кремле не довелось жить?

– Нет, но у меня был пропуск в Кремль, и я мог там бывать, когда хотел.

– Где вы учились в Москве?

– В обыкновенной русской школе.

– Отец принимал участие в выборе вашей будущей профессии?

– Я говорил вам, что сначала он мечтал увидеть меня художником, потом начал ориентировать на технику. Как-то он велел пойти в гараж и из старых частей собрать автомобиль. Отец

хотел, чтобы я не только умел баранку крутить, но и знал, из чего состоит машина. Я два года с помощью механика собирал старый «форд». Отец подсказал мне заняться радиоделом, и я посещал дом техники. По окончании школы у меня уже была зарегистрирована радиостанция. Знание радиодела и языков сыграло потом определенную роль в моей судьбе.

– Вы в каком году окончили школу?

– В самом начале войны. Семнадцать мне исполнилось в ноябре 1941 года...

– «Сороковые, роковые...» – это и о вас?

– К сожалению. Я сразу пошел в райком комсомола, чтобы записаться в добровольцы. Заполнил анкету, в которой указал, что являюсь радиолобителем. Тогда как раз подбирали людей в школу десантников. Вдруг кто-то обратил внимание на мою фамилию и спросил, какое отношение я имею к Лаврентию Павловичу. Ответил, что никакого. Мне возразили: мол, даже отчество совпадает... Но все же зачислили. Дома, за обедом отец одобрил мое решение.

– Доложили?

– Разумеется. И мама не возражала: «Война – такое дело, что стыдно прятаться за юбку».

– Как складывалась ваша военная карьера?

– Окончив школу десантников, я получил звание лейтенанта и приступил к службе по линии радиосвязи. Находился в армейском подчинении у полковника С. М. Штеменко.

– В свое время считалось, что Лаврентий Берия сыграл значительную роль в организации обороны Кавказа.

Сегодня эту роль сводят к инспекторским поездкам, якобы вносящим нервозность в действия командования: шума много, а дел мало!

Генерал Д. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия» пишет: «Боевые действия Берия в Великой Отечественной войне фактически ограничиваются двумя его поездками в качестве члена ГКО на Кавказ в августе 1942 – в марте следующего года. Архивы свидетельствуют: здесь он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, на ему негодных людей, расстреливал. Сопровождали его и тех поездках Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе и его собственный сын. Досталось Тюленеву, Серпу, Петрову, другим военачальникам». Прокомментируйте, пожалуйста, этот отрывок.

– Отца сопровождали не Кобулов, Мамулов и другие перечисленные лица, а чисто военные чины. В августе 1942-го члена ГКО Лаврентия Берия сопровождали генерал Бодин, полковник Штеменко, другие оперативные работники Генштаба Красной Армии. Кроме того, были срочно отозваны военные кадры грузинской национальности, в основном, в звании полковников и генералов.

Читаю воспоминания С. М. Штеменко, и перед глазами встает тот далекий день нашей отправки в Грузию:

«Утром в назначенное время поехали на машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолет Си-47. Бодину отрекомендовался командир корабля полковник В. Г. Грачев.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азию. Прямой путь туда был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда совсем стемнело, двинули через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и с аэродрома отправились в штаб фронта. Город еще не спал...»

По известным причинам Штеменко «упустил», что мы летели на личном самолете отца, а полковник Грачев был его шеф-пилотом.

– Среди сопровождавших Берия упоминаются Цанава, Рухадзе, Какучья...

– Нет, эти люди к военному делу не имели никакого отношения. Они служили в НКВД, в особых армейских отделах, действовавших в тылу, обезвреживая диверсантов.

– А как насчет военачальников, которым «досталось»? – Генерал Тюленев в одно время командовал ЗаКВО и дружил с моим отцом. Этот высокообразованный и интеллигентный человек, начавший свой боевой путь кавалерийским офицером и командиром Красной Армии вместе с М. Буденным, окончил две академии, учился во Франции. Тюленев поддерживал решения отца и никаких разногласий не возникало. Не подвергались репрессиям и другие командиры. Правда, с согласия ГКО отец снял с должности Буденного, который буквально дезертировал с поля боя, бросив управление армией. Буденный пытался прорвать пограничные заслоны, публично заявляя, что немцев не остановить и нечего спасать мандариновые рощи Кавказа. Из-за своей некомпетентности в современном бою он не способен был командовать не то что армией, а даже маленьким подразделением. Тогда же по представлению отца, в ГКО отозвали члена военного совета Л. Кагановича.

За весь период нашего пребывания на Кавказском фронте, никто не был репрессирован. Вспоминается один случай, когда без приказа сверху командир расстрелял перед своей частью молодого офицера, испугавшегося наступления немецких танков и сдавшего позицию. О Петрове и других: в моем присутствии неоднократно собирались командиры частей, ведущих бои на перевалах и на подступах к ним, в том числе очень известные в дальнейшем полководцы Гречко, Леселидзе и др., и отец спокойно разбирал с ними вопросы, как военного, так и организационного характера.

– Говорят, что Берия, находясь на Кавказском фронте, ввел для радиопереговоров мингрельский язык. Это правда?

– Такие случаи носили эпизодический характер – не могли же радистами быть только мингрелы!

– Каковы заслуги Лаврентия Берия, на ваш взгляд, и том, что в те трудные дни Кавказ выстоял и враг был изгнан оттуда?

– Отец приехал на фронт в критический момент, когда командование пребывало в полнейшей растерянности. Немцы довольно глубоко проникли в тыл, захватили Клухорский, Марухский, Мамисонский перевалы. Мне было тогда восемнадцать лет, и я занимал незаметную должность, но видел и слышал многое, что происходило вокруг. Позже мне рассказывали о тех же событиях Подин и Штеменко. Поэтому кое-какие выводы, пусть не всеобъемлющие, я способен, наверное, сделать.

Первое: вместе с товарищами из Генштаба, при огромной поддержке местного населения отцу удалось нормализовать обстановку.

Второе: отец смог получить от Сталина необходимые резервы. Так, на Кавказский фронт были переброшены войска из Ирана, введенные туда в ответ на действия англичан, а также пограничные части из Дальнего Востока. Их участие в боях решительным образом повлияло на ход операций, завершившихся нашей победой.

Третье: по предложению отца, были сформированы небольшие группы, вооруженные бесшумными снайперскими винтовками. В то время только появлялись специальные звукогасители, к которым позже прибавились инфракрасные прицелы. Эти группы устраивали засады офицерской разведке противника.

– Вы как-то упомянули, что до поездки на Кавказ принимали участие в двух операциях...

– Став десантником, я вошел в боевую тройку, где со мной были два радиоинженера, немцы по происхождению. Нас должны были забросить в северо-восточную Германию, в район Пенемюнде, где находился научно-конструкторский центр баллистических ракет, возглавляемый фон Брауном. О существовании этого центра я слышал и раньше: отец, не называя источников информации, рассказывал о технических новшествах, обнаруженных нашей разведкой у немцев, англичан и американцев. Как-то я услышал и о разработке немцами новых ракет на Пенемюнде. Когда нам вручили карты этой местности, я понял, о чем идет речь. Подготовку проводили очень тщательно, и по ней было видно, что там мы имеем немало агентов.

– Это было в 1941 году?

– В начале зимы 41-го. К тому времени наступление немцев под Москвой окончательно захлебнулось. Мы вылетели к намеченной цели на петляковской машине. Внизу простиралось окутанное туманом Балтийское море: даже на бреющем полете ничего нельзя было рассмотреть, поэтому выброситься нам не разрешили. Через три-четыре дня мы предприняли вторую попытку. Целый час кружили над заданным районом, но вновь последовал приказ о возвращении назад: оказывается, произошел провал явки. В конце концов, заслали нас туда довольно сложным путем – через иранский Курдистан, где уже были налажены контакты. Из Ирана нам предстояло попасть в Турцию, а оттуда, с помощью курдов, переправиться в Германию. По ходу операции не все получилось, как было задумано, и лишь одному из нас удалось добраться до цели.

– В чем заключалась его задача?

– Внедриться в упомянутый центр. После войны стало известно, что мой немецкий товарищ вместе с группой фон Брауна уехал в США.

– Он открылся ему?

– Нет. Он был очень крупным специалистом и, по нашему заданию, примкнул к группе Брауна.

– Фамилию того немца помните?

– Помню, конечно, но... Он был антифашистом и боролся в подполье, а попал к нам, по всей вероятности, через разведку.

– Его завербовали?

– Знаете, к тому времени этот термин не очень применим: люди действовали и жертвовали собой по идейным соображениям.

– Сколько длилась ваша «одиссея»?

– Около трех месяцев. После ухода нашего товарища мы остались вдвоем, но вскоре к нам присоединилась группа курдов и персов из десяти человек.

– Вы были радистом?

– Исключительно. Место, откуда я передавал шифровки, дважды бомбили самолеты без опознавательных знаков. Было предположение, что англичане вышибали нас из этого района как конкурентов.

– Каков был характер передаваемой вами информации? – Наша группа установила почти всю сеть немецкой агентуры в Иране. Непосредственно разведкой я не занимался, но добытые товарищами данные шли в центр через меня: я одновременно и шифровал, и передавал. Мы с ребятами переживали, что в боевых операциях не участвуем, так как не понимали сути выполняемой работы. Все разъяснилось во время Тегеранской конференции, когда наши специалисты во всем Иране чувствовал себя, как дома.

– Вас посылали на задание с ведома отца? Он не боялся, что вы можете погибнуть или попасть в плен, как это случилось с Яковом Джугашвили. Ведь сын шефа такого ведомства был бы важным козырем в руках фашистов. Что стоило отцу оставить вас в Москве?

– Да проститься мне высокопарность, но других слов я не нахожу: мы, молодые, рвались на фронт сражаться за Родину, за Сталина! Этот лозунг не был спущен сверху. Он действительно выражал истинные настроения миллионов. Не только отец, но и мать с первого дня войны благословили меня, единственного сына, на многотрудный путь защитника Отчизны.

– Вы вскользь заметили, что у вас двойное отношение к Сталину...

– Это на самом деле так. Поскольку я вырос в атмосфере обожествления Иосифа Виссарионовича как во всей стране, так и в нашей семье, я не мог не почитать его. Как мне тогда казалось, в Союзе царила всеобщая любовь к нему: ведь Сталин, при всех ужасах, раскрытых нам сегодня, был личностью выдающейся. Недаром перед ним снимали шапку и Черчилль, и Рузвельт. Решения, в правильности которых сам не сомневался, он проводил в жизнь с вели-

чайшим организаторским талантом. Встречаясь с ним многократно, в том числе и по служебным делам, я каждый раз убеждался в его умении схватить суть вопроса, сформулировать его предельно четко и точно. Сейчас с иронией отзываются о сочинениях Сталина, с содержанием которых можно соглашаться или не соглашаться, но их лаконичность и доступность читателю очевидна. Я искренне преклонялся перед ним, но, по мере того, как узнавал о его невероятных поступках и действиях, все более и более приходил в недоумение. Наконец наступил момент непонимания, а потом и неприятия тех действий, ибо вывод напрашивался один: Сталин – великий человек, но беспощадный. Он способен очаровать тебя, но, если станешь ему поперек дороги, уберет, не задумываясь, кем ты ему приходишься – братом, сыном, сватом... Так и живет во мне образ Сталина как бы раздвоенный и несовместимый: с одной стороны, мудрый державный муж с железной волей, а с другой, коварный, вероломный и мстительный человек с низменными страстями.

Однако я категорически не разделяю логику некоторых отечественных «патриотов», для которых Кутузов, сдавший Наполеону Москву, – национальный герой, а Сталин, остановивший Гитлера под Москвой, не позволивший его солдатам ступить на землю столицы, – никто! Нечестно так рассуждать!

Сталин отлично понимал, что он стоит во главе огромной империи, которую можно сохранить только силой. Когда посол США в СССР Аверелл Гарриман намекнул Иосифу Виссарионовичу на жестокость советского режима, тот ответил: «Не забывайте, что я руковожу народом, совершившим за жизнь одного поколения три революции!» Сталин не мог допустить четвертую, направленную явно против него революцию... Ему это удалось, но какой ценой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.